

Драматургия Горького на омской сцене

Омский областной драматический театр ежегодно включает в свой репертуар драматургии Горького. В течение прошлых лет на сцене театра шли: «Егор Булычев», «Достигаев», «Зыковы», «Васса Железновой», «Враги». Вчера театр показал зрителю еще одну пьесу Горького — «Враги».

Таим образом, театр «проборел» уже некоторый опыт в отношении постановок горьковских пьес. Этот опыт далеко еще от совершенства и принципиальной четкости творческих посылки. Но все же в перечисленных нами пьесах были правильно вскрыты режиссером, убедительно оформлены художником и глубоко сыграны актерами. Беза постановки «Егора Булычева» и «Вассы Железновой» можно рассмотреть в конечном счете, как творческие достижения театра, то этого уже нельзя сказать о «Зыковых» и еще меньше — о «Врагах».

Нет сомнения: одна из основных причин больших и малых неудач театра в работе над горьковской драматургией заключалась в том, что театр не всегда уделяла ее глубокое осознание. Как и всякий большой писатель, Горький-драматург имеет свой идейно-художественный стиль, предвещающий театру определенные требования. Театр Горького — это театр особого стиля. Омский областной театр, поставив сейчас «Врагов», сделал новую попытку освоить стиль горьковской драматургии. И поэтому вполне уместно, — как в интересах театра, так и зрите-

лей, — сказать несколько слов о специфике этого драматургии Горького.

Все пьесы Горького насыщены большими идеями: социальными-философскими и очень часто, как, например, во «Врагах», — непосредственно-политическими. Образы в пьесах Горького всегда являются конкретными выразителями определенных социальных сил. Вот почему актер, выступивший в том или ином горьковском образе, должен четко оценить его с точки зрения социалитической идеологии и, что самое главное, превратить эту оценку в своей игре.

Задача эта, при всей своей кажущейся простоте, на самом деле далеко неслучайна. Легко разоблачить идеализма в агитационно-поверхностной пьесе, так легко канализировать дан в общеполитическом виде. Но попробуйте подобно с приращенно-изобразительными средствами к разоблачению Егора Булычева, Вассы Железновой или Захара Вадимы! Они настолько обильны и многогранны в своих качествах, что всегда будут выдвигать на просторства века специфического примитива. Широко обобщенный классовый опыт дан в основных образах драматургии Горького всегда в исключительно-конкретной, неповторимой форме. Каждый образ имеет свой индивидуализированный стержень, вокруг которого сплетаются классовые, профессиональные и конкретно-бытовые качества героя. Когда актер берет этот стержень, он начинает играть агитационную схему или же халатно за первое

притянувшееся ему качество героя: личностные своего стержня, многогранные качества героя превращаются в бесформенную массу, из которой актер может вынуть все, что угодно и как угодно по своему усмотрению. Но и в том и в другом случаях результат один: образ становится художественным и является своей перспективой.

Нам кажется, что в прошлых своих постановках пьес Горького областной драматический театр грешил тем, что не всегда находил в персонажах этих пьес их индивидуализированный, неповторимый стержень.

Однажды А. П. Чехов сказал: «Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни. Люди обходят, только обходят, а в это время складывается их счастье и разбиваются их жизни». На первый взгляд кажется, что драматургия Горького близка чеховским пьесам. В самом деле: и у Чехова и у Горького нет в пьесах стремительного, ярко выраженного специфического действия, увлекательной фабулы, эффектных коллизий «под занавес». Все идет и развивается маленькими, будничными темпами. Терон «Мещанин» и «На дне» так же много говорят и мало действуют, как в пьесах «Вишневый сад», «Леди Ваня», «Трех сестрах». И многие театры, заметив только это, слишком спешат между пьесами Чехова и Горького, стали играть Горького «по Чехову». Надет чеховский стили был уже и в на постановки «Зыковых» в Омском театре. Такой подход к драматургии Горького в корне

ошибочен. «Дистанция огромного размера» — раскладывает этих двух крупнейших русских драматургов.

В истории русского театра А. П. Чехов остался как создатель импрессионистской драмы. Чеховская драматургия отделилась от тупого жужжа грустно-лирических настроений. Она полна неясных намеков, невысказанных слов и жеманств. Ее очарование — это очарование опустошенных аллей, шороха золотых листьев под ногами и немой боли в груди о безвозвратно минувшем. Чеховская драматургия лирически-музыкальна. Недаром сравнивают пьесы и повести Чехова с музыкой Чайковского и картинами Левитана. В речи их тиха, витива и даже как бы случайна в выборе слов и мыслей. В отсида — большие паузы, когда каждый из собеседников думает о своем.

Драматургия Горького имеет совершенно иной стиль. Пьесы Горького поражают зрителя не только широтой социального полета, но и величайшей вычностью, за которой чувствуется бешеное страстное жерло художника и его острая, выключенная мысль. Взяв драматургия Чехова, построенная на лирических тонах, граничит с музыкой, то пьесы Горького по устоячивости и вышустности своих образов приближаются к скульптуре. И эта скульптура горьковских образов достигается прежде всего чудесным афористическим языком великого писателя. Театр Горького — это театр мыслей и слов. Герои Горького не таят, подобно чеховским персонажам, своих сокровенных дум под спудом, они спорят, возмущаются, страстно

любят и ненавидят. И разговоры их — это полемик, хотя и мучительное осмысление запущенной жизни с тем, чтобы перестроить ее.

Отсюда совершенно ясно, что любящий театр, ставший драматургию Горького, должен в первую очередь думать о хорошей специфичной передаче горьковского языка. И здесь уместно вспомнить золотые слова Боклена-старшего: «Театр не гостиница. В полуротасячной аудитории нельзя обращаться так, как к двум-трем товарищам, с которыми сидишь у камина... И осано, что можно заслужить репутацию весьма естественного актера, подражая тону простого разговора. Оди... проглатывает концы фраз, сокращает слова... говорит монотонно... А глумля публики восклицает: «боже, как это естественно! Можно подумать, что он у себя дома. Какой актер! Только и не расслышал, — а вы? Но как это естественно сказано!»

Несколько слов о «Врагах». Пьеса впервые была опубликована в печати в 1906 году. Нарская пьесура категорически отвергла ее к представлению. Целлоу дал такую «рецензию» пьесе: «В этих сценах пощечивается примитивная вражда между рабочими и работодателями, причем первые изображены стонкими буржуази, сознательно излучены к намеренной цели — уничтожению капитала, последние же изображены узкими агонистами. Впрочем, во словем оидно из действующих лиц, совершенно безразлично, какими качествами хитрина, интативно того, что он «хлестает», чтобы для рабочих он яв-

лялся врагом. Автор устами жены брата директора фабрики, Талины, предкаживет победу рабочим. Цены аги являються сплошной проповедью прогни имущих классов, вследствие чего не могут быть доволены к представлению».

Нужно отдать справедливость парекому цензору: он превратно понял классово-партийную направленность пьесы. В пьесе убийственно разоблачаются капиталисты всех идеологических разновидностей — от непрямырых врагов рабочего класса до либералов с их высокопарными лживыми словами и лисней тактикой. На либерализму и на правды основной удар нисается. Но этот же удар был рупитом и мевиников, которые вытислись в подползающейся революции 1905 года оглять либеральной буржуазии руководящую роль. Правильно и мунументальная картина классово борьбы, сделавшая истью боюного мастера, естественно заставила недопонять царского цензора.

В настоящее время «Враги» шут до многих театрах Советского Союза и пользуются большим успехом у массового зрителя. Лучшая постановка этой пьесы принадлежат Московскому Художественному Академическому театру.

Омский областной театр выступил спектакль «Враги» ко дню 72-й годовщины со дня рождения А. М. Горького.

Б. ЛЕОНОВ,
заведующий литературной частью Омского областного драматического театра.

Вырезка из газеты Омская правда от 30 марта 1947 г.